Бронебойный экипаж

Автор:
Сергей Зверев

Бронебойный экипаж

Сергей Иванович Зверев

Осень 1941 года. Враг у стен Москвы. Один из плацдармов удерживает сводный механизированный корпус, в котором сражается экипаж танка Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова. В самый разгар боев танкисты получают задание: в составе оперативной группы захватить и удержать населенный пункт, в окрестностях которого разведчики будут искать пропавшие советские реактивные снаряды с секретным топливом. Соколов понимает: чтобы выполнить приказ, рассчитывать надо не только на крепкую броню и могучее орудие, но и на проверенную солдатскую смекалку…

Сергей Зверев

Бронебойный экипаж

© Зверев С.И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

К вечеру дорога опустела. После шести часов по ней проехала только одна телега, в которой сидел не немецкий солдат, а какой-то местный дедок, безуспешно подгоняя усталую клячу голосом и подстегивая ее вожжами. Когда телега скрылась за дальним поворотом, на опушку вышел человек в немецкой форме с погонами обер-лейтенанта. Он долго стоял, почти не шевелясь, прислушиваясь и вглядываясь в лес на противоположной стороне.

В этой предвечерней тишине особенно угнетающе выглядело шоссе. Вправо и влево, на сколько хватало взгляда, на обочинах стояли и лежали грузовики, легковые автомашины, мотоциклы, телеги, передки артиллерийских орудий. Все – разбитое, разбросанное взрывами, сгоревшее частично или дотла. Обуглившаяся древесина, почерневшее железо и еще вполне уловимый запах гари.

Часть воронок еще не была засыпана, немцы починили проезжую часть, стащив на обочины остатки машин. Зрелище было страшное, невольно представлялась хорошо знакомая картина первых недель войны, когда по дорогам шли колонны военных, текли потоки беженцев. В воздухе вдруг появлялись немецкие бомбардировщики и с ужасным воем начинали пикировать на шоссе. Черные разрывы бомб разбрасывали машины и людей, все начинало гореть, взрываться. Кричали люди, ржали и рвали постромки обезумевшие лошади, ревели двигатели. А бомбы сыпались и сыпались. Через несколько минут на дороге оставались лишь трупы, смрад и гарь. И в установившейся тишине, которая была еще страшнее бомбежки, вдруг начинали кричать раненые, женщины плакали и звали детей. Вот она, обратная сторона войны, победного шествия по чужой стране.

Рядом с обер-лейтенантом как из-под земли вырос человек в маскировочном костюме, с автоматом ППШ в руках.

– Глядите-ка, как у них все культурно, мать их в душу, – зло произнес человек. – В шесть уже ни одной машины. Все делается с девяти и до шести. Рабочий день, значит, закончился. Как у себя дома…

– Ладно, Фильченко, приступайте, – сказал ему обер-лейтенант по-русски.

– Есть, – кивнул человек в маскировочном костюме и, не оборачиваясь, махнул рукой.

Из леса неслышно появились еще четверо бойцов в таких же маскировочных костюмах.

– Акимов, готовь на всякий случай рацию, чтобы не мешкать, если найдем, – приказал Фильченко. – Захаров со мной, Абдуллаев и Жогин направо. Смотреть внимательно по сторонам. Немец, он, конечно, не любит в неурочное время за ворота выходить, только если до ветра. Но у войны свои порядки. Может и колонна неожиданно пройти, может и припоздавший какой-нибудь начальник с охраной проехать. Чтобы тихо у меня, как тени!

Молодой радист вернулся в густой молодой березняк и поставил на землю вещмешок с радиостанцией. Остальные бойцы осторожно двинулись вдоль разбитой техники, осматривая каждую машину, каждую груду железа, перевернутую повозку. Шли быстро, но действия каждого разведчика отличались точностью и неторопливостью. Первым делом – проверка на минирование или на неразорвавшиеся боеприпасы. И авиационные бомбы, и артиллерийские снаряды, и мины не всегда взрываются при падении на землю. Иногда они могут лежать так довольно долго, в зависимости от причины, по которой не сработал взрыватель.

Слева, со стороны городка Лыков Отрог, послышался шум моторов. Фильченко повернул голову и прислушался. Это не одиночная машина. Грузовики! Он посмотрел на Абдуллаева и Жогина – ребята присели за обломки машины и замерли. Самому Фильченко было ближе забраться под перевернутую телегу и скрыться в ворохе соломы.

Захаров, осматривавший перед этим перевернутый грузовик, шагнул в сторону, под свисавший клочьями брезентовый тент. Он не сразу почувствовал, как под ногой чуть шевельнулась оторванная от борта грузовика доска, а за рокотом приближающихся немецких машин не расслышал, как с легким звоном отлетела в сторону скоба спускового рычага гранаты и зашипел запал. Выпавшая, видимо, из чьей-то руки граната с выдернутой чекой лежала здесь две недели, случайно прижатая доской. На войне никогда нельзя зарекаться от случайностей и думать, что все зависит от тебя самого.

Взрыв гранаты Ф-1 оглушил разведчика. Ни один из осколков его не задел, но ступню практически оторвало взрывом. Сержант Захаров на глазах немцев, уже остановивших свои машины, упал возле перевернутого грузовика. Он слышал

крики вражеских солдат и, теряя сознание от боли, сделал то, что единственное мог и должен был сделать в этой ситуации. Принять бой, вызвать огонь на себя, дать возможность товарищам скрыться в лесу.

Старшина Фильченко видел, как Захаров полз к дороге и стрелял. Потом пуля попала ему в голову, и капюшон маскировочного костюма окрасился кровью.

– Ребята, в лес! – крикнул старшина, выхватывая автомат из рук мертвого Захарова. – Уходите, я прикрою.

Положив стволы автоматов перед собой на край брошенной телеги, он стрелял с двух рук, используя высокую скорострельность ППШ, буквально заливая пулями обочину дороги, из-за которой немцы пытались подняться в атаку. Когда кончились патроны, старшина взялся за гранаты. Он бросил две. Гранаты перелетели через дорожное полотно и взорвались на другой стороне. Третью Фильченко бросить не успел. Две пули пробили его грудь, он упал навзничь, уставившись мертвыми глазами в темнеющее небо.

Разведчики не смогли отойти в лес. Немцы стали охватывать с двух сторон место странного взрыва, где неожиданно появился русский. Несколько минут, и напряженный бой закончился. Кроме еще двух русских в маскировочных костюмах возле дороги, немцы обнаружили в березняке радиста, который подорвал себя и рацию гранатой. Судя по тому, что проволочная антенна была заброшена высоко на дерево, рация была готова к сеансу связи, а может быть, он уже состоялся, прежде чем погиб радист.

Измотанные в боях пехотинцы шли, понурив головы. Осень 41-го года была холодной. Серые снеговые тучи ползли по мрачному небу так низко, что, казалось, задевали верхушки деревьев. Начавшийся с утра снег начал таять и превратил дорогу в черное месиво. Холодный октябрьский ветер трепал рваный брезент на кузове застрявшей полуторки, которую безуспешно пытались вытолкнуть десяток обозленных матерящихся красноармейцев. В заляпанных до пояса шинелях, еле вытягивая ноги из липкой непролазной грязи, они провожали хмурыми взглядами проехавшую мимо «тридцатьчетверку» с бортовым номером 077.

Алексей Соколов сидел в люке башни в самом мрачном настроении. Уже октябрь, морозы, скоро наступит настоящая зима, а Красная армия все отступает. Не бежит, конечно, сражается, цепляясь за каждую удобную позицию, отбивает атаку за атакой, но потом снова уходит на восток.

Младший лейтенант со своим опытом командира танкового взвода, который вступил в бой на второй день войны, видел это именно так, потому что был в первых рядах воюющих. Он ходил со своими танкистами в контратаки, держал оборону, шел на восток, оставляя деревни и города. И смотрел в глаза их жителям.

Но как командир Красной армии, Алексей понимал и другое. Все не так, как видится. Не армия слаба, не техника уступает немецкой. Где-то командование проигрывало в тактике, а может, и в стратегии. Вермахт наступает, используя фланговые охваты, как стальными клещами сжимая советские части танковыми дивизиями и механизированными армейскими группами. Или врубается, найдя слабое место в обороне Красной армии, мощным клином все тех же танковых армий, рассекает и уходит на оперативный простор, а следом идут механизированные части, успевающие за танками, которые добивают расчлененные, окруженные подразделения.

Отступление Красной армии происходит потому, что командование снова и снова выводит подразделения из возможных котлов, отводит на новые позиции, где можно организовать оборону, накопить силы и провести ответную наступательную операцию. Но немцы снова и снова не дают такой возможности.

Соколов как командир, закончивший танковую школу прямо перед войной, хорошо знал, что в училищах, военных школах и академиях не учили действиям подразделений, частей и соединений при отступлении. Только вперед, только наступательный бой. Действия в обороне, и снова наступление. Стальным кулаком выбить врага с территории страны и добить его в его же логове!

Алексей слышал историю одного старого генерала, который воевал еще в царской армии, а потом перешел на сторону советской власти, когда совершилась революция. Он попытался в академии, где преподавал тактику, начать давать темы арьергардных боев. Его обвинили в пораженчестве и антисоветской деятельности. А как бы сейчас пригодились эти знания и опыт, эта нужная теория – действия частей и соединений в условиях отступления. А без этой теории были бессмысленные и плохо подготовленные атаки

механизированных корпусов в лоб танковым клиньям немцев. Сколько танков потеряно бессмысленно, сколько их осталось в Белоруссии и на Украине…

Прикрывая отходы своей части, Соколов вчера потерял два танка. Пятеро ребят сгорели, трое отправлены в госпиталь с сильными ожогами. Да и «семерке» досталось так, что она чудом осталась на ходу. Заклинило курсовой пулемет на башне, саму башню тоже заклинило – немецкая болванка угодила под нее. Последние полчаса боя приходилось делать грубую наводку всем корпусом танка, а потом уже доводить орудием. Если бы не мастерство Бабенко, экипажу бы не выжить. Механику-водителю приходилось так дергать машину, так рвать фрикционы, выводя танк из-под огня немцев, что Соколов и не надеялся, что «семерка» вообще сможет двигаться после такого боя.

Разбрызгивая грязь и покачивая стволом пушки на неровностях дороги, «тридцатьчетверка» шла, обгоняя пехоту. Вдруг с громким скрежетом танк сбавил скорость, а затем и остановился совсем.

– Бабенко! – командир прижал к горлу ларингофоны ТПУ. – Что такое?

– Все, товарищ командир, – раздался в шлемофоне голос механика-водителя. – Левый фрикцион сдох!

Соколов выругался, отсоединил кабель от шлемофона и вылез из башни. Спрыгнув на землю, он прошел вдоль борта, мысленно сетуя на железного друга. Что в бою не подвел, спасибо. Но теперь-то? В чистом поле? Алексей похлопал танк по броне и подошел к люку механика-водителя. Бабенко смотрел на командира виновато.

– Ну что, Семен Михайлович?

– Только в мастерские. Трансмиссию перебирать надо, – сказал механик. – Встали мы капитально. Мыслимо ли, такой бой выдержать!

– Что делать будем, товарищ младший лейтенант? – раздался еще голос, и рядом с Бабенко появилось носатое лицо радиста Омаева. – Связаться с нашим комбатом?

– Давай, Руслан, – кивнул Соколов, поставив локти на броню и опустив на них голову. – Только не получится. Наш батальон еще неделю назад перебросили на правый фланг, на танкоопасное направление. Не возьмет рация.

– В чем дело? – раздался за спиной властный голос. – Почему танк стоит, когда все движутся к намеченным рубежам? Командир танка, ко мне!

Соколов обернулся удивленно и увидел остановившуюся черную «эмку», которую бойцы выталкивали из большой лужи на относительно сухую обочину. В нескольких метрах от танка стоял широколицый мужчина в форме с одним ромбом в красной петлице и нашивками бригадного комиссара на рукаве. Алексей невольно вытянулся, как того требовал устав, но страшная усталость мешала согнать с лица угрюмое выражение.

– Я сказал, командир танка ко мне! – снова заорал комиссар с перекошенным покрасневшим от злости лицом.

– Давайте я подойду? – предложил сверху Логунов. – Все ж таки я командир отделения, командир танка. Не нравится он мне.

– Всем оставаться в машине, – приказал Соколов, почти не разжимая губ, и подошел к комиссару. Вскинул ладонь к шлемофону.

– Почему танк стоит? – пошатнувшись, комиссар ухватился рукой за локоть подбежавшего к нему старшего политрука. – Почему не в бою?

Соколов обрадовался, что не пришлось представляться этому человеку. Хотя разговор еще не окончен, и чем он может окончиться, угадать сложно. Комиссар был явно не в себе и тем более пьян. Наверняка удирал откуда-то с передовой, не дождавшись штаба или своего политотдела. А теперь маскирует свою трусость гневом и пытается обвинить в трусости других, не разобравшись, в чем дело. С такими типами младшему лейтенанту уже приходилось сталкиваться, цену такому «гневу» он знал хорошо.

– Танк неисправен, – ровным голосом стал докладывать Соколов. – Мы несколько часов назад вышли из боя, прикрывая отход наших частей. Машина получила повреждения и теперь не может самостоятельно двигаться. Нужно отбуксировать танк в ремонтную мастерскую полка.

– Какой буксир? – снова начал орать комиссар. – Фашисты идут по пятам. Вы будете здесь торчать до тех пор, пока новейший советский танк не захватит враг? Или вы умышленно намерены передать его немцам? Я приказываю немедленно взорвать неисправный танк и следовать дальше вместе с частью!

– Товарищ бригадный комиссар, – сдерживая бешенство, заговорил Соколов. – Боевой устав предписывает охранять и защищать поврежденный на поле боя танк и принимать меры к его транспортировке в ремонтное подразделение. В случае невозможности спасти материальную часть и угрозы захвата ее врагом устав предписывает уничтожить танк. Сейчас я не вижу поблизости врага и могу организовать транспортировку…

– Что? – разъяренно пучил глаза комиссар. – Как ты смеешь! Фамилия! Твоя фамилия, младший лейтенант? Какой младший лейтенант, рядовой, рядовой штрафной роты, вот ты кто! Под трибунал пойдешь! Фамилию его запиши.

– Так точно, товарищ бригадный комиссар, – уверял лейтенант, который поддерживал пьяного политработника и пытался увести его к машине. – Обязательно запишу.

Соколова трясло от возмущения и злости. Его, с первых дней войны не покидавшего передовой, прошедшего столько боев, вдруг обвиняют в трусости, даже в предательстве! Рука сама рвалась к кобуре с пистолетом. Алексей не знал, что он будет с ним делать, но стойкий рефлекс уже выработался. В состоянии крайнего напряжения рука сама хваталась за оружие. И уже совсем теряя от возмущения контроль над собой, он готов был вскинуть руку к шлемофону и выкрикнуть свою фамилию, заорать так, чтобы этот пьяница или трус бригадный комиссар даже в таком состоянии запомнил его. На всю жизнь запомнил. А потом… Что будет потом, об этом Алексей даже не думал.

И когда раздался рев танкового двигателя, он обернулся, увидев, что рядом с его Т-34 остановился и заглушил двигатель мощный КВ. А с башни на броню, сбросив с головы шлемофон, спрыгивает Олег Степанов. Седой, как звали его курсанты в танковой школе, из-за светлых, почти белых волос, старый приятель, с которым Алексей вместе поступал, а потом два года спал на соседних кроватях в казарме.

– Иванов его фамилия, младший лейтенант Иванов, – вставая рядом с Соколовым, выпалил Олег, ловко и с особенным шиком отдавая честь комиссару.

Но пьяного политработника уже сажали в машину. А политрук только рукой махал, мол, уезжайте отсюда скорее. И только когда «эмка» тронулась и поехала дальше на восток, разбрызгивая колесами по сторонам грязную жижу, Соколов почувствовал, что Олег крепко сжимает его руку. Оказывается, Алексей все же успел расстегнуть кобуру и взяться за рукоять пистолета.

– Ты что, сдурел, Сокол? – с тихим смешком спросил Степанов, заставив Алексея застегнуть кобуру. – Ты что такой нервный? Тебя же к стенке в несколько часов поставят. И пикнуть не успеешь.

– Седой, здорово! – Алексей расплылся в улыбке и обнял бывшего сокурсника. – Понимаешь, накатило, не справился с собой. Столько всего за эти месяцы было. Да и сейчас только из боя. Ребят потерял, два танка сгорели на моих глазах. Да и моя «семерка» вон встала. Досталось нам за эту неделю крепко. Как живы остались, сам не знаю.

– Война, брат! – похлопал его по плечу Степанов со своей привычной усмешечкой, в которой теперь не было и следа бравады. Тяжелая стала усмешка у бывшего курсанта и отличника боевой и политической подготовки. – Все через это прошли. А вот голову терять не надо. Ты расскажи, где воюешь. Смотрю, на «тридцатьчетверку» сел, молодец!

Алексей грустно улыбнулся, посмотрев на свой танк со множеством следов попадания вражеских болванок на броне, и стал рассказывать про свою войну, как пятился вместе со всеми, как учился воевать заново и осваивать тактику, которой в танковой школе не учили. Как терял товарищей, как жег немецкие танки, но все равно отступал. И нет ничего для него невыносимее этого, особенно после того, как познакомился он с девушкой, которая осталась с больным отцом в белорусском городке и борется с врагом в подполье. Мальчишки и девчонки фактически. Красная армия вот с такой техникой отступает, а там дети сражаются в тылу.

– А ты-то где сейчас, Олег? – наконец закончил свой рассказ Соколов. – Как тебе на тяжелых танках воюется?

– Давай твою «семерку» возьмем на буксир да оттащим в расположение, – предложил Степанов. – Не ровен час еще какой «герой» нагрянет, и тогда нам несдобровать.

Буксирные тросы закреплены, КВ тронулся. Алексей сидел на башне своего старого друга и слушал его рассказ. В танковый полк командиром взвода КВ Степанов попал сразу после училища. Как он сам признавался, в эти тяжелые мощные машины влюбился еще во время учебы. Чувствуешь себя и богом, и чертом одновременно, смеялся Олег. И уважение вселяешь, и страх одновременно. У немцев просто нет орудий, для того чтобы справиться с этими советскими танками. Ну, может быть, только зенитная 88-миллиметровая. Ну а полевые противотанковые орудия, да и сами немецкие танки «рылом не вышли» подбить КВ.

Алексей с улыбкой смотрел на друга, как тот расхваливает свой танк, как поглаживает его во время разговора по броне, а сам вспоминал родные привычные «бэтушки», на которых он начал воевать. Да, слабовата противоснарядная броня, слабовато вооружение, зато легкий скоростной и маневренный танк мог творить на поле боя другие чудеса. Неожиданные стремительные атаки из танковых засад, выход во фланг и тыл противника в короткий срок. Хорошие, надежные машины, только вот бензиновый двигатель от попадания даже осколка легко загорался, в отличие от дизелей, которые устанавливались на Т-34 и КВ.

– Я, конечно, верил в наши тяжелые танки, – посмеиваясь, говорил Степанов. – Порой до десятка отметин от попадания снарядов после боя находишь на броне. Но вот только в августе, еще до ранения под Ленинградом, я понял, что действительно такое наши КВ!

– Ты был ранен?

– Да ерунда! Три недели провалялся в госпитале, потом запасной полк и сюда. Ты слушай лучше. В нашей бригаде ротный был один. Старший лейтенант Колобанов – ас из асов. Он еще в финскую на танках воевал и в Польше потом. Его роте приказано было перекрыть три шоссе под Красногвардейском. Он рассредоточил танки и занял позицию в засаде. Ты только представь, он за тридцать минут раздолбал немецкую танковую колонну. Одна его машина подбила 22 немецких танка. На броне КВ Колобанова насчитали 141 попадание снарядов![1 - Реальные события 20 августа 1941 года, относящиеся к

Кингисеппско-Лужской оборонительной операции.] А танк цел. Во, техника! Да еще в умелых руках.

Соколов промолчал, глядя на свою «семерку», которая лязгала гусеницами следом за танком Степанова. Но Олег расценил грустный вид друга и его взгляд иначе.

– Ты зря так, Сокол! «Тридцатьчетверка» – отличная машина, просто превосходная. У нас с тобой разные задачи, понимаешь. Ты же в школе изучал тактику тяжелых танков, средних, легких. Чего я тебе рассказываю! Мой – это крепость на гусеницах, а ты весь в движении. Твоя «тридцатьчетверка» – это скорость, мощь, напор. Это мы тащимся да ломаем доты, а ты как кавалерия, только стальная. Неудержимая атака огня и стали. Как в той песне, помнишь? – Олег вдруг наклонился к Алексею и уже тише добавил: – А про этого комиссара забудь. Он завтра проспится и не вспомнит о тебе. А если вспомнит, то сам молчать будет, потому что политработнику такого ранга в таком виде появляться перед бойцами нельзя. Отношение к нему – это отношение к партии, а он ее позорит. Так что начхать и забыть. А «семерку» твою дотащим и в ремонт сдадим. Мы еще с тобой на наших стальных конях погоним фашистов на запад.

Докладывать или не докладывать комбату о происшествии – так вопрос не стоял. По уставу военнослужащий обязан доложить своему непосредственному командиру о любом происшествии или нарушении им воинской дисциплины, сделанных ему замечаниях или наложенных взысканиях. Устав строг, а армия есть армия. Подумать стоило только о том, как доложить, в каком виде. Майора Рыбакова Алексей почти не знал. Новый комбат принял подразделение, а взвод Соколова тут же был прикомандирован к маневренной группе, прикрывавшей переправу до отхода наших частей. Правда, майор успел познакомиться со всеми офицерами батальона и побеседовать накоротке. С младшим лейтенантом Соколовым у него тоже был разговор. Ничего особенного: Соколов, как положено, представился, майор задал дежурные вопросы о семье, о службе. Стало понятно, что об опыте Алексея он представление откуда-то имеет.

Штаб танкового батальона располагался в старом клубе на краю села. Точнее, клуб когда-то находился почти в центре, но после боев половина села начисто сгорела, и теперь желтое бревенчатое здание со скворечником на высоком шесте оказалось крайним.

– Разрешите, товарищ майор! – Соколов, пройдя через большую комнату, остановился у стола командира, за натянутой на веревке плащ-палаткой.

– А, Соколов! – Рыбаков бросил на младшего лейтенанта быстрый взгляд и снова принялся подписывать извещения. Это были похоронки. Их было много на столе комбата.

– Танк поставлен на ремонт, – доложил Алексей, – помпотех обещает закончить работы за неделю. Я прошу, товарищ майор, разрешить экипажу принять участие в ремонте материальной части для ускорения сроков ремонта.

– Ладно в детский сад играть. Есть у нас техники, вы только мешаться под ногами будете. Знаю я эти разговоры. Потом жалобы будут: ах, к моему заслуженному танку не такое уважение проявили. Так?

Теперь только по тону комбата Соколов понял, что майор зол до крайности. Потери личного состава, боевой техники, возможно, еще что-то. Наверное, выволочку от командира полка получил, вот и срывается на других, неприязненно подумал младший лейтенант. Но Рыбаков отложил ручку и потер лицо пальцами, испачканными в чернилах.

– Ты не хмурься, Соколов, – заговорил майор уже другим тоном. – Просто в армии порядок должен быть. Другой порядок и другая организация работ. Это на заводе хорошо авралами поднимать объемы выпуска продукции, а в армии каждый должен заниматься своим делом. Ремонтники – ремонтировать, а командиры танковых подразделений должны заниматься обучением личного состава и подготовкой к боевым действиям своего подразделения. Понятно?

– Так точно, – недовольно ответил Алексей. – Понятно.

– Да знаю я, – вздохнул комбат. – Знаю, каково это ребят терять. Иной раз места себе не находишь из-за того, что они там остались, а ты здесь. Сытый, в тепле. Портянки на тебе белые. Только мы с тобой – командиры. Это наша обязанность посылать людей в бой. Иногда вести за собой, а иногда посылать туда, откуда не все вернутся. Знаешь, а посылаешь. Потому что война, парень! Нам Родину защищать, нам выполнять приказ вышестоящего командования. А на войне люди гибнут, этого не избежать. И к этому придется привыкать. Привыкать, что не все твои бойцы доживут до победы. И тем, кто погибнет, вечная слава и вечная

память. Рапорт я твой читал. Действовал ты правильно, грамотно действовал. И что неисправный танк доставил в расположение, хвалю.

– Товарищ майор, у меня механик-водитель – бывший инженер-испытатель харьковского завода. Он танки знает лучше наших техников. Омаев не только хороший радист, он электрик. Логунов, так тот еще в финскую воевал.

– Вот ты какой настырный, – покачал головой комбат и посмотрел на молодого командира с отеческой теплотой. – Ладно, в порядке исключения разрешаю твоему экипажу помогать техникам на ремонте вашей машины. Но смотри, Соколов, чтобы не за неделю, а за четыре дня мне управились и вернули «тридцатьчетверку» в строй!

– Есть управиться в четыре дня! – Алексей вскинул руку к пилотке. – Разрешите идти, товарищ майор?

– Иди, – кивнул комбат и снова взялся за извещения.

Соколов повернулся через левое плечо и двинулся к выходу. Положенных пять строевых шагов он делать не стал. Не стоило топать в штабе, где несколько офицеров работали с документами, с картами, где сидели радисты, поддерживающие оперативную связь.

– Лейтенант, – окликнул Алексея майор. – Дай передышку своим танкистам. Завтра у нас концерт. Приезжает концертная бригада из ансамбля песни и пляски.

Два дня пролетели незаметно. Танкисты работали до поздней ночи, а ранним утром снова спешили в мастерские. Соколов согласовывал с помпотехом виды работ, получал запасные части, закрывал формуляры. И когда на второй день ближе к вечеру он пришел в мастерские, то довольный Бабенко, вытирая ветошью руки, с улыбкой объявил, что с трансмиссией они закончили.

– По мотору там у нас ничего сложного не будет, Алексей Иванович, – снова не по-военному заговорил Бабенко, видимо ощутив свою довоенную среду танкового завода. – Магнето надо поменять, но это минутное дело. Топливный провод полностью промыть, фильтры, форсунки тоже. По подвеске вопросы будут.

– Что-то серьезное? – насторожился Соколов, подходя к танку и присаживаясь вместе с Бабенко возле катков.

– Вот здесь отбойник наварить надо, он во время движения гусеницы заталкивает сам вышедшие из соединения траков пальцы. Его снарядом почти расплющило. Смотрите! Здесь два катка поменять придется, на другой стороне четыре. А с ведущим предстоит помучиться. Хорошая конструкция у наших танков, но вот беда, есть такие виды работ, которые не сделаешь, не снимая башни. Даже по подвеске. Но я думаю, придумаем что-нибудь.

– Хорошо, Семен Михайлович, я на вас надеюсь, – кивнул Соколов и крикнул в передний люк: – Ребята, вылезайте, я вам тут котлет принес и соленых огурцов. На кухне раздобыли из брошенных складом машин. Тут кипяток где-то можно раздобыть? Титан какой-нибудь?

– Я вам кипяток сейчас устрою без титана и без печки, – пообещал Омаев, выбираясь из нижнего люка танка. У нас там буржуйка в раздевалке. Сейчас дров подброшу и вскипячу. Заварки вот нет только. Товарищ сержант, у Николая вроде оставался чай?

Логунов посмотрел на Омаева, потом на Соколова. Нахмурился и виновато стал объяснять:

– Я Бочкина послал в казарму. Там в вещмешке у меня нож складной был. Забыл взять с утра. Послал, а он пропал. Разрешите сбегать, товарищ младший лейтенант?

– Не надо, Логунов, вы перекусите пока. Ужин сегодня позже будет, к нам артисты приехали, их там кормят.

– Нашли время концерты устраивать, – проворчал Логунов.

Соколов пожал плечами. Может, кому и надо, может, кому песня из довоенной гражданской жизни душу согреет, о доме напомнит. Им по концертам ходить некогда, надо срочно ремонтировать танк, потому что батальон со дня на день могут снова бросить в бой. Потом и концерты будут, и танцы до утра. Когда война кончится.

В общей казарме, где танкистам отвели дальний угол, отгороженный брезентом, Соколов увидел на своей кровати три письма. Он посмотрел на адреса. Одно было Руслану Омаеву. Судя по почерку, от матери или сестры. Два других – Логунову. Оба из Сибири. Наверное, от матери Николая, подумал Соколов. Взрослые, а стесняются парня. Вроде и не муж с женой, но любят друг друга, сойтись хотят. Да и к Николаю Логунов как к сыну относится. Только вот беда у парня. Девушка, которую он любил, которая его с войны ждала и письма писала несколько месяцев, вышла замуж за какого-то офицера-тыловика и уехала с ним. Предательство. Как такое пережить?

Концерт не стали проводить на улице. К вечеру подморозило, столбик термометра упал до минус пяти градусов. Свободных от службы бойцов и командиров собрали в большом сельскохозяйственном ангаре, который был способен вместить больше двухсот человек. В центр ангара загнали полуторку, опустили ее борта и устроили таким образом импровизированную сцену, которую было видно отовсюду.

Соколов вошел в ангар, когда на «сцене» выступала худенькая девушка с густыми светлыми волосами и забинтованной правой ногой. Она исполняла романс на стихи Пушкина под аккомпанемент аккордеона. Голос девушки отличался глубиной и удивительными интонациями, от которых строки романса оживали, переносили в прошлую эпоху, заставляли слушать не дыша. Младший лейтенант смотрел на лица солдат и думал о том, что сейчас в этом «концертном зале» много бойцов из городов, которые не раз слышали хорошее вокальное выступление, видели знаменитых певцов. Но немало здесь людей, которые родились и выросли в деревне. И слышать академическое исполнение могли разве что по радио, если оно у них к тому времени было проведено. Но как сейчас все слушали! Как проникали в души слова и музыка!

Наконец, Соколов нашел Бочкина. Николай сидел на колесе старой разобранной сенокосилки и во все глаза смотрел на девушку. Таким своего заряжающего Алексей еще не видел. Парень преобразился, он улыбался с таким светлым лицом, как будто смотрел на ангела. А может, что-то подобное и происходило в его душе. Вот тебе и на, подумал Соколов, разбитной парень из рабочего квартала, для которого самым эмоциональным развлечением с детства была игра в «стеночку», вдруг прикоснулся к прекрасному – к классическому пению, к академическому искусству.

Но отчитать и пристыдить Бочкина все же придется. Соколов нахмурился и сделал суровое лицо. Если ты член экипажа, несмотря на тягу к великому и прекрасному, ты должен марать руки и заниматься железом, как и все остальные. Таковы законы коллектива не только в армии и не только на войне. Это пригодится потом и во взрослой гражданской жизни. Алексей поймал себя на мысли, что причисляет себя, в отличие от Коли Бочкина, ко взрослым. А ведь Бочкин младше своего командира взвода всего на 3–4 года.

– Не надо, командир, – тихо прошептал над ухом голос Логунова. – Может, не надо, а? Вы ведь не видите, а я с ним все время рядом. Парень жить не хотел, так его выходка невесты доконала. А тут… вы поглядите на него. Справимся мы без него вечером. Чего там осталось-то!

Соколов поглядел в глаза сержанту и согласился. Еще два часа работы, и экипаж отправился на ужин.

Выскребая из тарелки остатки каши, Бабенко рассказывал о летнем отдыхе в Ялте. О местах, где любил бывать Чехов, о достоинствах крымских вин.

– Тебя послушать, Семен Михалыч, – хмыкнул Логунов, вычищая куском хлеба свою тарелку, – так вся твоя жизнь прошла на курортах со стаканом вина в руке. Ты бы хоть разок вспомнил про завод, про трудовой коллектив.

– А вина самые лучшие все равно на Кубани и на Кавказе, – заметил Омаев. – Я сегодня письмо из дома получил. Мать пишет, урожай винограда в этом году очень богатый. Она считает, к праздничному столу. Что скоро победа будет, прогоним врага и будет чем отметить. Вот бы правда!

– А вы сомневаетесь? – спросил Соколов, глядя, как Логунов заботливо заворачивает в ватную стеганку тарелку Бочкина, чтобы сохранить кашу теплой к его приходу.

– Да, там дедушка от себя приписку сделал. Говорит: внук, будь мужчиной. Это женщинам мечтать можно, а джигит должен иметь ясный взор. Поминать многих нам придется, потому и вина много, потому и урожай винограда такой богатый. Природа знает, что такое горе, оно еще больше будет.

– Мистика, – пробормотал Бабенко, скручивая из куска газеты «козью ножку». – Может, и мистика, поверье, а может, и есть что-то в природе такое, чего мы понять не можем.

– Например, почему у «семерки» все время масса пропадает, – хмыкнул Логунов, вставая из-за стола. И добавил с сарказмом: – Инженер!

– С массой как раз понятно, – возразил Омаев, вставая следом. – Где-то провод пробивает на корпус. А вот почему, как старики говорят, перед войной всегда много мальчишек рождается? Как начнет в селе много мальчишек рождаться, так знай – к войне.

А Коля Бочкин топтался возле санчасти и уговаривал старого врача Бориса Моисеевича пропустить его к Елизавете. Доктор строго смотрел на танкиста поверх очков.

– Что тебе приспичило? Истощена она сильно, рана на ноге открылась. Ей усиленное питание и сон требуются, а не ухажеры с септическими руками. Ты хоть руки-то когда-нибудь моешь, танкист?

– Мою, – уныло ответил Бочкин, глядя на черные ногти и въевшееся в поры масло. – Мы из боя вышли три дня назад. Танк спасали, дотянули до ремонтной службы. Теперь вот срочно всем экипажем ремонтируем. Вдруг завтра в бой. Ну пустите, что я там трогать чего буду, что ли. Я их в карманах буду держать.

– А, так ты из геройского экипажа младшего лейтенанта Соколова? – усмехнулся доктор. – Слышали мы про ваши подвиги, слышали. Значит, твои товарищи танк ремонтируют, а ты по девочкам шатаешься?

– По каким девочкам? – взбеленился Бочкин, но тут же присмирел и снова стал смотреть на Бориса Моисеевича умоляюще.

– Ладно, орел, – неожиданно сдался доктор. – Сейчас мы с тобой пойдем в палату к Елизавете Сергеевне. Но уговор, танкист: если она спит или не захочет видеть визитеров, ты сразу уйдешь.

Бочкин сглотнул слюну, от волнения набравшуюся во рту, и понял, что испугался. Только что он добивался визита к юной певице, а когда получилось добиться, струсил. И что он ей скажет? Все слова, которые Коля готовил вот уже пару часов, вдруг вылетели из его дырявой головы, оставив после себя стыдливо убогие следы типа: «Я восхищен вашим пением! Какой у вас ангельский голос! А мы с вами не встречались во время ваших гастролей в Красноярске?» Дебил, обозвал себя Бочкин и мужественно шагнул в пахнувшую теплом и лекарствами атмосферу медсанбата.

Он стоял, подпирая спиной стену возле двери, и слушал приглушенный голос доктора.

– Елизавета Сергеевна, к вам тут гость один просится вот уже битых два часа. Поклонник, так сказать, вашего пения.

– Это тот самый молодой танкист с большими глазами? – ответил мелодичный слабый голосок. – Я почему-то так и думала, что он не удержится и обязательно придет.

– Так пропустить его к вам? Вам, деточка, спать надо. Вам не волноваться, а сил набираться необходимо.

– Борис Моисеевич, голубчик, ну пропустите танкиста, – попросила девушка. – Я у вас тут с тоски умру. А здесь сразу поклонники пошли.

Доктор рассмеялся ее шутке, и Бочкин совсем поник головой. Для него этот смех был убийственным. Больше всего Николаю вдруг захотелось сбежать из медсанбата и не показываться доктору на глаза. Стыдища! Но он мужественно оторвался от спасительной стены, выдержал взгляд врача и шагнул в маленькую комнату с одним окном, выходящим в сад.

Кровать с блестящими шарами на спинках. Белая тумбочка со стеклянной банкой, в которой красовался букетик цветов, явно сорванных у какой-нибудь бабушки. Чувство ревности захлестнуло Бочкина. Он прошел на непослушных, ставших деревянными ногах и остановился перед кроватью певицы.

С подушки в обрамлении светлых, немного вьющихся волос смотрело улыбающееся лицо. А еще у Елизаветы Сергеевны оказались голубые-

преголубые глаза. Они совсем не были насмешливыми, негодующими или недовольными. Глаза были приветливыми, лицо очень милым, хотя и сильно бледным.

– Садитесь, юноша, – произнесла девушка слабым голосом. – Не стойте столбом, а то мне трудно смотреть на вас снизу вверх. Глаза болят.

Бочкин опустился на стул с такой готовностью, как будто боялся, что его украдут. Он смотрел, не отрываясь, в голубые глаза и молчал. И молчать ему очень нравилось, нравилось, как на него смотрели.

– Как вас зовут, танкист? – спросила девушка.

– Коля, – выдавил из себя Бочкин и тут же поправился: – Николай Бочкин.

– А меня называйте просто Лиза, – тихонько засмеялась девушка, глядя, как гость прячет в карманах белого больничного халата свои руки. – Вы не обращайте внимания на Бориса Моисеевича. Он добрый замечательный дядька. И очень интеллигентный человек. Он всех норовит называть по имени-отчеству и на «вы». И ко мне обращается исключительно «Елизавета Сергеевна». Но вы не думайте, что я зазналась и что я великая певица. Я всего лишь студентка второго курса консерватории.

– Вы так хорошо пели! – буркнул Бочкин, понимая, что говорит не то, что хотелось бы сказать.

– Перестаньте, Коля, – умоляюще всплеснула руками девушка. – Вам не идет лесть. Вы суровый воин, вы управляете железной грозной техникой. Вы и выражаться должны солидно.

– Как? – поперхнулся Бочкин, готовый растаять как кусок сахара, когда Лиза назвала его просто Колей.

– Ну вот, я вас испугала, – улыбнулась девушка. – Вы не думайте, что я посмеиваюсь над вами. Я просто пытаюсь шутить, пытаюсь сделать так, чтобы вы себя чувствовали свободно. Вы так напряжены. А мне надо, чтобы вы разговаривали со мной, тоже шутили. Понимаете, Коля, у меня очень болит рана.

Я не говорю Борису Моисеевичу, иначе он станет жалеть меня и будет уговаривать колоть морфий. А я не хочу. Я сама перетерплю. Вы мне только помогите, ладно?

И тут Николай увидел в этих голубых глазах кроме смеха и блеска затаившуюся боль. Сердце танкиста сжалось, и он кинулся спасать прекрасную принцессу. Он рассказывал о своем поселке под Красноярском, о своей маме, о Логунове, с которым они жили в одном поселке и теперь вместе воюют в одном экипаже. Он не стал говорить про любовь Логунова и своей матери, но зато много наговорил лестного о своем командире. Лиза смеялась его шуткам и тому, что гость вдруг стал спокойнее и естественнее. Она рассказала о Ленинграде, откуда была родом, о своих родителям, о детстве и юности. И о том, как они договорились у себя в коллективе ездить по воинским частям с концертами. Помогать бойцам в минуты затишья.

Николай говорил, улыбался, а сам все никак не мог понять, почему Лиза узнала, что пришел именно он. Еще во время концерта ему казалось, что девушка смотрит именно на него, ему в глаза, хотя на таком расстоянии, на котором он сидел от сцены, с уверенностью сказать этого было нельзя. И теперь она болтает с ним как старая знакомая, улыбается. Неужели он ей нравится? Но почему, чем? Она ведь из Ленинграда, у нее все знакомые – музыканты, певцы, художники. А он простой рабочий парень. Правда, фантазер. Он и сейчас представлял себя молодым русским богатырем, каким-нибудь Алешей Поповичем, который спас красивую княжескую дочь. И вот они беседуют в княжеских хоромах. Дурь, мальчишество, а думать так приятно.

А потом голос Лизы сделался тише, она стала не так внятно произносить слова, глаза стали напряженными. Коля вдруг увидел в них слезы.

– Больно… очень, – прошептала девушка и повернула лицо к стене, чтобы он не видел ее слез.

Бочкин вскочил и бросился из палаты, крича, что девушке плохо, что ей срочно нужен врач. Но по коридору уже спешили Борис Моисеевич со скорбным сосредоточенным лицом и девушка-медсестра, державшая в руках накрытый марлей стерилизатор со шприцем.

– Уходите, молодой человек, уходите отсюда немедленно! – буркнул доктор и скрылся за дверью палаты.

Глава 2

То, что его вызвали не к комбату, а сразу в штаб полка, Соколова удивило. Приказав Логунову остаться за старшего, а экипажу отдыхать, Алексей надел шинель, подпоясался ремнем. Было бы неправильно, решил он, явиться в штаб полка в замасленной зимней танкистской куртке и комбинезоне. Водитель, которого прислал комбат Соколову, чтобы отвезти его в штаб, расположенный за восемь километров от расположения батальона, толком ничего не знал. Ему приказали, он приехал.

Доложив дежурному по полку о прибытии, младший лейтенант с удивлением увидел на вешалке несколько шинелей с петлицами лейтенантов и капитанов. Только одна шинель была с двумя «шпалами» майора.

– Хотите есть? – спросил дежурный Соколова, когда тот разделся. – Многих офицеров вызвали так срочно, что они не успели поужинать. Командир полка распорядился с кухни доставить термосы с горячим питанием и чаем. Все-таки не передовая.

– Благодарю, товарищ капитан, я ужинал.

– Тогда ждите, сейчас командир полка вас вызовет.

Соколов кивнул и уселся в углу на расшатанный стул с деревянной спинкой. Полночь, вызов в штаб полка, ужин для приглашенных офицеров. Наверное, вызвали надолго, раз решили еще и покормить. Хотя кто-то из командиров добирался с позиций за несколько десятков километров. И почему меня вызвали, только одного командира из всего батальона?

Поразмышлять над этими вопросами не удалось, потому что через пять минут распахнулась дверь и резкий сильный голос приказал:

– Приглашенных офицеров прошу пройти ко мне!

Дежурный тут же поспешил в соседнюю комнату. Когда он открыл дверь, Соколов услышал приглушенные голоса, позвякивание железной посуды и запах курева. Несколько командиров, на ходу поправляя ремни, пошли к командиру полка.

Соколов вошел последним. Как самому младшему по званию, ему пришлось представляться последним. Полковник Осипов, крупный мужчина с густой шевелюрой, чуть тронутой сединой на висках, задержал взгляд на младшем лейтенанте, как будто сличая его внешность с теми рекомендациями, которые он получил. У длинного стола были расставлены стулья, полковник предложил всем садиться.

– Товарищи, – заговорил Осипов, располагаясь во главе стола, у зашторенной карты на стене. – Нам поставлена необычная и очень серьезная боевая задача. Все вы прибыли сюда по рекомендациям своих командиров. Каждый из вас имеет необходимый боевой опыт. Мы формируем оперативную мехгруппу в составе сводного батальона мотопехоты под командованием капитана Забелина и танковой группы под командованием старшего лейтенанта Кравченко.

Один за другим поднялись командиры, которым полковник жестом разрешил снова сееть. Потом Осипов перечислил подразделения, которые войдут в состав сводного батальона: две роты мотопехоты на грузовиках, разведвзвод на шести бронемашинах БА-6, две 57-мм минометных батареи, пулеметный взвод. Стало понятно, что операция предстоит не столько наступательная, сколько оборонительная. Но бронеавтомобили Соколова смутили. Конечно, сейчас подморозило, и они пройдут по мерзлой почве почти везде. Но для чего они?

– …и танковая группа капитана Кравченко, – повторил в конце Осипов. – Заместителем к Кравченко пойдет младший лейтенант Соколов. Этот молодой командир уже принимал участие в подобных операциях, проявил себя как умный, находчивый и грамотный офицер. Возглавит оперативную механизированную группу майор Лацис.

Сидевший рядом с полковником плечистый майор с мощной шеей поднялся и обвел взглядом собравшихся. Волевое лицо со шрамом понравилось Соколову. Уверенность, ум в глазах. Майор опустился снова на стул, а Осипов махнул кому-

то рукой через головы сидящих.

– Ну, что там? Готово?

– Так точно, товарищ полковник!

Вошел высокий капитан в очках – начальник оперативного отдела штаба полка. В руках он нес стопку карт. Положил ее перед командиром полка на стол.

– Второй участок обещали завтра утром. Самое позднее к середине дня.

Осипов взял верхнюю карту, развернул, просмотрел и подвинул всю стопку майору. Лацис перебросил часть карт командирам.

– Прошу ознакомиться, товарищи, – сказал он низким, чуть хрипловатым голосом. – Это район предполагаемого действия нашей мехгруппы.

– Но это же… – проговорил кто-то из командиров, но его перебил Осипов:

– Итак, задача вашей группы! Скрытно, используя отсутствие на сегодняшний день на участке дивизии сплошной линии фронта, пройти в тыл немецким войскам. Сосредоточиться в районе города Лыков Отрог, изучить обстановку и одним ударом взять его, выбив и уничтожив фашистский гарнизон. На следующем этапе группа должна удерживать населенный пункт до тех пор, пока разведвзвод прочешет шоссе в пригородах Лыкова Отрога, где по нашим сведениям лежит разбитая автомашина, которая вывозила со складов реактивные снаряды для наших гвардейских минометов. Два снаряда все еще лежат, как нам стало известно, в кузове этой машины. Снаряды необходимо забрать, гарантированно уничтожить комиссией из состава командиров группы. Третий этап – вернуться с наименьшими потерями в личном составе и боевой технике.

Вопросы?

– Разрешите, товарищ полковник, – поднялся со своего места под перешептывание других командиров капитан Забелин. – У меня два вопроса. Первый, почему не послать туда пешую разведгруппу, которая спокойно найдет

эти снаряды и уничтожит их на месте? Или не накрыть это место бомбовым ударом? Второй вопрос, прошу прощения, если он немного неприятный, но мы на войне, и дальше фронта не пошлют. Эти снаряды реактивные установки сотнями валят на головы немцев уже несколько месяцев. Я сам видел, что сделала батарея БМ-13 с железнодорожной станцией Орша. Что изменится или случится страшного, если они там и сгниют среди ржавого металлолома?

– Разрешите мне, товарищ полковник? – попросил Лацис и, не вставая, жестом руки усадил капитана. – Группа разведчиков уже была там. Все погибли, успели только сообщить, что ведут бой. Это была хорошо подготовленная группа. Бомбовый удар не даст гарантии, что снаряды уничтожены, потому что мы не знаем точно, где находится та самая машина. Мы знаем, что это шоссе Лыков Отрог – Смоленск. В его пригородной части, но это все сведения. И самое главное, товарищи командиры. Немцы не знают, что сама реактивная установка наших гвардейских минометов никакой тайны не представляет. Это просто направляющие для ракетных снарядов и электропривод для воспламенения взрывчатого вещества несущего заряда. Боевой заряд взрывается при падении на землю. Весь секрет наших реактивных установок состоит именно в ракетном топливе, в несущем пороховом заряде, который горит и выделяет огромное количество раскаленных газов, вырывающихся через узкое сопло и толкающих снаряд вперед. Обычный порох здесь не годится. Он или медленно горит, или взрывается.

Лацис, видимо, был химиком или инженером, потому что говорил толково, со знанием дела, пересыпая свою речь специальными и научными терминами с завидной легкостью. Алексей понял из всего сказанного только то, что для ракетных снарядов сначала изобрели специальный состав, так называемый пироксилино-тротиловый порох. Но он не годился, потому что горел медленно, с выделением газов в объеме меньше расчетного. Ракеты летели не точно, а то и вовсе падали, так и не достигнув цели. Тогда придумали добавлять в порох «Н» стабилизатор химической стойкости под названием «централит № 2». Это дало нужный результат. Но дело в том, что советские химические заводы не умели производить этот самый «централит № 2». А производился он в Германии, и до войны именно из Германии он поставлялся в Советский Союз. И теперь, после разрыва дипломатических и торговых отношений и начала войны, поставки прекратились. Нынешних запасов стабилизирующего вещества хватит ненадолго, срочно нужно искать замену, изобретать свой, отечественный состав. И такие работы уже начались. Но немцы могут захватить снаряды и узнать секрет пороха. И тогда их 6-ствольные минометы, у которых точность стрельбы сейчас очень низкая, смогут стать страшным оружием. И где гарантия, что

немецкие инженеры вместо 6-ствольных минометов не станут делать 12-ствольные, 24-ствольные?

– Вот в чем важность нашего задания, товарищи командиры, – заключил свой рассказ майор. – Капитан Забелин нам тут рассказал, что видел первый удар наших реактивных минометов по железнодорожной станции в Орше. Вы результат можете описать нам, товарищ капитан?

– Так точно, – усмехнулся Забелин. – Только там описывать нечего. То есть совсем нечего. Станции не стало. Все как ураганом смело. Горело даже то, что и гореть-то не может.

– Вот именно, – кивнул Лацис. – Один снаряд нашего миномета сам по себе не очень грозное оружие. Вся суть в том, что взрываются сразу несколько снарядов на определенной территории. Встречная взрывная волна складывается и умножается до такой степени, что действительно не оставляет на месте удара ни строений, ни техники, ни живой силы противника. Еще вопросы есть по существу?

– Разрешите? – поднялся старший лейтенант Кравченко. – Какой гарнизон в Лыковом Отроге?

– Город небольшой, всего около трех квадратных километров. До войны в нем проживали 8 тысяч человек. По нашим сведениям, в городе располагается окружная комендатура и усиленная комендантская рота, численностью не менее полутора сотен человек. Рота имеет несколько бронетранспортеров и мотоциклы. Городок поделен на сектора, каждый сектор оборудован пулеметными гнездами, расположенными на чердаках и других высоких точках. Улицы и площади перекрестно простреливаются как минимум с двух направлений. Имеются старые армейские склады, которые немцы используют по прямому назначению. Охрана складов – не менее роты. Еще в городе расквартирован штаб фельдполиции, которая перекрывает все транспортные направления и осуществляет пропускной режим. Это еще около двух сотен солдат. Кроме того, зенитный дивизион и рота легких танков, осуществляющих прикрытие мостов и железнодорожной станции. Они тоже базируются в Лыковом Отроге. Это все приблизительные сведения, которые, кстати, могли уже устареть.

– Серьезный городок, – после долгого молчания сказал Забелин. – Угораздило наших артснабженцев именно там снаряды потерять. Могли бы в какой-нибудь глухомани это сделать.

– Задача командирам ясна? – спросил Осипов. – Товарищ майор, двое суток на подготовку. Завтра получите недостающие крупномасштабные карты района действий, и в ночь механизированная группа должна выйти. Приказы по снабжению соответствующие подразделения получили. Сухие пайки, горючее, боеприпасы приготовлены. Танки возьмут двойной комплект снарядов.

Офицеров отпустили готовить свои подразделения, а майор остался с командиром полка изу-чать обстановку на фронте на этот час. Важно знать пути передвижения немецких войск, чтобы не столкнуться лоб в лоб с крупными соединениями. Группа должна дойти до цели без стычек и тем более не ввязываться в затяжные бои.

Соколов вернулся в расположение батальона и сразу отправился к комбату.

– Вернулся? – Рыбаков поднялся с деревянной лежанки и накинул на плечи танкистскую куртку. – Можешь не докладывать, я в курсе. Садись.

Алексей сел к столу, положил шапку рядом с коптилкой, сделанной из снарядной гильзы, расстегнул верхнюю пуговицу. Комбат погремел чем-то в тумбочке и подошел к свету. Фляжка, две алюминиевые кружки и газетный сверток, в котором оказались лук, небольшой кусок сала, черный хлеб. Пока Соколов резал закуску, Рыбаков плеснул из фляжки по кружкам на два пальца водки и стал задумчиво смотреть на огонек коптилки.

– Вот как получается, лейтенант, – сказал он, наконец. – Повоевать мы с тобой вместе не успели, а я уже отправляю тебя одного. Далеко пойдешь, если тебя у меня через голову забирают.

– Не на курорт же, – вспомнив постоянные рассказы Бабенко, возразил Алексей.

– Лучше б на курорт, – поднял кружку комбат. – Ей-богу, с удовольствием бы отпустил. Давай, Соколов, за удачу. За нашу танкистскую удачу. Чтобы снаряд мимо, хоть вскользь, да рикошетом. А если попадет, то пусть в мотор, чтобы экипажи были живы. И приказ выполнить, и чтобы вернуться всем.

Алексей опрокинул водку, не чувствуя вкуса, и стал жевать хлеб с луком. Комбат не поморщился, выпил ее как воду и подцепил кончиком финки полоску сала. Прожевав, откинулся к стене и полез в карман за папиросами.

– Тебе не впервой по тылам машину водить, – закуривая, сказал комбат. – Верю, что сможешь сделать там больше, чем любой другой взводный. Командир ты знающий, аттестацию твою из танковой школы я видел, да и наслышан о твоих подвигах на фронте. Хочу предостеречь вот от чего. Ты лихость не показывай, знаю я вас, молодых. Только расчет, только математика, как при подготовке карты стрельбы. Никаких авось и куража. Ты с Кравченко идешь. Я его знаю. Осторожный, но упертый. Если сказано забить гвоздь, он из кожи вылезет, из перьевой перины молоток скрутит, а задачу выполнит и гвоздь забьет. У него есть чему поучиться.

– Надо с ремонтом завтра закончить, чтобы было время опробовать машину.

– Закончите, – заверил комбат. – Я с помпотехом переговорил, его механики эту ночь будут работать. Утром примете машину, опробуете, погоняете. Я тебе завтра кое-что покажу по тактике. Ты идешь один, без взвода. Тебя из-за твоего опыта взяли, а не для того, чтобы ты там Кравченко замещал. Хотя формально ты его замом будешь. Тебя в школе учили фланговым атакам? Теперь смотри, что я тебе покажу. Это уже фронтовой опыт использования «тридцатьчетверок» подразделениями от роты и ниже. При штурме укрепленных населенных пунктов особенно хорош прием, который называется «маятник»…

Несмотря на позднюю ночь, экипаж, к великому изумлению Алексея, не спал. Танкисты сидели в раздевалке мастерской, возле разожженной буржуйки. Говорили тихо, над головами вился дымок самокруток, задумчивые лица освещал огонь печи. Соколов остановился у двери, услышав, как Коля Бочкин рассказывает:

– Знаете, что самое главное? Я понял, что не все женщины одинаковые!

– Ну, это ты хватил, парень, – с усмешкой ответил Логунов. – Так уж сразу обо всех женщинах и судить стал?

– Ну нет, не то, дядь Вась! – тихим, но горячим голосом возразил Бочкин. – Почему обо всех! Просто… вот Катька вышла замуж и даже не написала, а ведь клялась, что любит и ждать будет честно. Когда вот так, молча, то сразу обида и кажется, что весь мир такой и нет ничего светлого и счастья в нем не бывает. От обиды хотелось в бой, умереть, чтобы она узнала, чтобы ей больно стало, чтобы мучилась всю жизнь. А теперь я думаю, незачем, пусть живет. Пусть даже счастлива будет, потому что не все такие, как она.

– Коля, война ведь, всему народу несладко, – вставил Бабенко. – Ты же говорил, что она за тыловика какого-то замуж вышла, за командира, значит, паек командирский, семье поможет. А вдруг она не от хорошей жизни за него пошла, а чтобы прокормить близких? Не думал?

– Ну, это ты, знаешь, тоже, Михалыч, хватанул! – недовольно сказал Логунов. – По-твоему, Катерина за вора пошла. Чем она прокормит семью, он со складов воровать будет? Ты лишнего-то не болтай.

– Да я так. Всякое в жизни бывает.

– Да не надо про Катьку, что вы в самом деле про нее начали! – перебил всех Бочкин. – Пусть живет как знает. Я вам про Лизу толкую. Ведь какой светлый человек, вы бы ее голос слышали! Вон, дядь Вася слышал, не даст соврать. Она в консерватории учится. Вся такая хрупкая, голодная, а сила в ней знаете какая! Я и не думал, что она такую боль терпеть может. А она со мной разговаривала, смеялась. Только в конце я понял, что ей уже невмоготу терпеть, губы кусает, слезы ручьем, а она мне улыбается. Рана у нее открылась на ноге. Говорят, кость задета была. То ли свищ какой-то, то ли еще что.

– Женщины они очень сильные, – неожиданно вставил молчаливый Омаев. – Они сильнее нас. Мы вот на фронт пошли, погибнуть можем. Горе, конечно, для близких, а им там в тылу каково? И работать надо, и детей кормить-растить. Они там живут так, как будто права не имеют ни умереть, ни заболеть. На них все держится. Иногда я думаю, что на них вообще земля держится.

– Да так и есть, Руслан, – вздохнул Бабенко.

– Почему не спите? – Соколов вошел и присел рядом с Логуновым на деревянный ящик. – Времени три часа ночи, а завтра тяжелый день.

– Нам там осталось совсем немного, Алексей Иванович, – не по-военному ответил за всех Бабенко. – Все равно кабеля в защитной оплетке нет. А без него мы и мотор проверить не сможем и всю электрику.

– Кабель будет утром. Завтра все будет. И завтра мы должны закончить все работы на «семерке».

Соколов говорил, а сам думал о том, что вот эти люди для него не просто подчиненные, а его семья. Ведь если вдуматься, то ближе них у него никого и нет. Бабенко вот назвал не командиром, не по званию, а по имени-отчеству. Замечание бы сделать наедине, а не сделаю. Мне же приятно, что он так сказал. Вроде как к старшему обратился, а я чувствую в нем что-то почти отеческое. Хороший он дядька, инженер грамотный. Он как отец всему экипажу. Парни хорошие у меня: Бочкин и Омаев. Молодые еще, горячие и неопытные, но надежные ведь. Как на себя на них могу положиться. А про Логунова и говорить нечего. Правая рука. И левая тоже. Куда я без его опыта боевого? Поругать бы их, что не спят, а не хочется.

– А что это для нас так стараться начали? – Логунов подозрительно посмотрел на командира. – За ночь нам и кабель, и фильтры достанут? Что-то случилось?

– Приказ, ребята, – подумав немного, ответил Соколов. – Двое суток дали на завершение работ и подготовку. Нас прикомандировали к оперативной механизированной группе. Боевая задача очень сложная. Подробности перед самым выходом. А за эти дни нам надо хорошо подготовиться. Василий Иванович, надо получить сухой паек, два комплекта боеприпасов. Коля, подготовь раскладку. Руслан, завтра зайдешь на узел связи, там тебе дадут новые разъемы для антенны и радио-телеграфный ключ. Ну, а вы, Семен Михайлович, проконтролируйте, чтобы техники все закончили с «семеркой». К вечеру танк надо выгнать из мастерской и сразу проверить на дороге около леса. Там овражки, балка с крутым склоном.

– Сделаем, командир, – за всех ответил Логунов, потом решительно хлопнул себя ладонями по колеям и поднялся на ноги. – А теперь, экипаж, всем спать. Что лейтенант приказал? Отдыхать!

Подготовка шла своим чередом. «Семерка» вышла из мастерских, Бабенко погонял ее по пересеченной местности. Пришли дополнительные карты, командиров оперативной мехгруппы еще дважды собирали для уточнения задачи. И дважды Соколов имел не очень приятный разговор со старшим лейтенантом Кравченко, который в этой операции стал его командиром.

В первый раз Кравченко стал расспрашивать об обстоятельствах, в результате которых в августе Соколов вместе с экипажем попал в плен и потерял свой танк. Тема была не из приятных, потому что после возвращения на Алексея крепко насел Особый отдел. Был момент, когда он уже не сомневался, что всех вернувшихся тогда из плена: и экипаж «семерки», и освобожденных Соколовым военнопленных, прорвавшихся с боем через линию фронта, в конце концов арестуют и отправят в штрафбат.

Второй разговор был о составе экипажа «семерки». Кравченко предложил заменить молодых танкистов Бочкина и Омаева на более опытных. Алексей категорически отказался, объяснив, что экипаж вместе воюет несколько месяцев, именно с этими танкистами Соколов участвовал в сложных боевых операциях. И все заслуги и опыт, приобретенный им на войне, не его лично, а всего экипажа. Кравченко посмотрел неприязненно на младшего лейтенанта и сухо заметил, что эти вопросы он решит сам, по команде, без участия командира взвода.

Но прошли сутки, а вопрос о смене экипажа так никто и не поднял. У Алексея была даже мысль опередить события и попробовать обратиться к майору Лацису, но воинская субординация не поощряла обращение к вышестоящему начальнику через голову непосредственного командира. Разве что только в самых крайних случаях. И, стиснув зубы, Соколов решил ждать.

Утро последнего перед выходом дня было самым напряженным. Проверялось и перепроверялось все, что можно было проверить. Соколов около полудня подошел к своим танкистам предупредить, что через два часа начнется формирование колонны. Нужно будет занять свое положение со вторым танковым отделением в середине колонны, куда Кравченко определил «семерку». Но когда Алексей подошел к танку, то увидел, что Бочкин складывает в вещмешок консервы, хлеб, сахар. Логунов перестал подавать из танка сухой паек, а Бабенко кинулся к командиру и тихо заговорил, пытаясь взять Алексея за ремень портупеи.

– Товарищ младший лейтенант, мы вас ждали. Вот посоветоваться хотели. Коля хочет сходить попрощаться с Лизой. Отпустите его на полчасика. Ничего ведь страшного не случится за это время. А если что, так мы сбегаем за ним, а?

– Хорошо, пусть сходит, – глянув на наручные часы, согласился Соколов, а потом посмотрел на вещмешок. – А это зачем? Василий Иванович, вы же упаковали НЗ полностью?

– Это, – Логунов замялся, переглянулся с другими танкистами, а потом выбрался из люка и подошел к командиру. – Это мы хотели вашего разрешения спросить. Можно Николай девушке в госпиталь передаст? Она ведь изможденная, рана открылась. Ей хорошее питание нужно.

– Ребята! – изумился Соколов. – Вы с ума сошли что ли? Мы уходим в рейд, а вы продукты хотите забрать из запасов. А если нам несколько дней нельзя будет остановиться и жевать на ходу придется? Куда я с голодным экипажем? И вы думаете, что Лиза в госпитале некормленная останется. Да там питание лучше, чем у нас!

– Ну, – Логунов развел руками и посмотрел на других танкистов. – Я вам что говорил. Вот ведь народ, а! Как я дал себя уговорить?

– А я им говорил, – вдруг заявил Омаев, высунув голову из переднего люка. – Цветы надо ей подарить. С цветами прощаться надо идти, а не с буханкой хлеба. А они мне рот открыть не дали.

– Коля, – Соколов снова посмотрел на часы. – Сорок минут тебе на прощание, а потом бегом к танку. Времени мало, могут объявить тревогу каждую минуту.

– А где я цветы возьму в октябре? – Бочкин сунул вещмешок Логунову в руки и недовольно посмотрел на Омаева. – Тут никаких теплиц и ботанических садов с паровым отоплением нет.

– Ребята, а ведь это мысль, – вдруг оживился Бабенко и заулыбался с довольным видом. – Нет, конечно, здесь цветочных магазинов, нет старушек с мимозами, да и сезон, мягко говоря, не тот. Но ведь цветы есть всегда на подоконниках. Люди их разводят в любое время года и во все времена. Это же не дом, когда в нем нет цветов. Вот вам и выход.

– Семен Михайлович, – Соколов покачал головой, – вы что, советуете украсть цветы с подоконника какой-нибудь старушки?

– Почему украсть? – смутился механик-водитель. – И почему у старушки? Есть тут в деревне вдовушка одна, у нее цветы – просто загляденье. Окно полыхает, только она занавеску отодвинет. Аж на улице светлее становится.

– Так, – рассмеялся Логунов. – Наш инженер тихой сапой вдовушку себе тут присмотрел. А я думаю, что это он…

– Ну, хватит, Василий, – нахмурился Бабенко. – Что ты в самом деле. Неприлично даже как-то.

Пришлось допытываться и чуть ли не трясти механика, чтобы он перестал обижаться на Логунова и, наконец, рассказал, где и у кого он видел такие цветы на подоконнике. Оказалось, все просто. Женщина жила в нескольких домах от мастерской. Да и лет вдовушке было уже сильно за 60. Соколов запретил уходить всем и отправился к вдове только вдвоем с Бабенко.

Высокая седовласая женщина с печальными глазами и в чистом передничке встретила танкистов с удивлением, но вида не показала.

Алексей снял пилотку, пригладил свои светлые волосы и представился. Женщина назвалась Антониной Васильевной и пригласила гостей в горницу. И когда танкисты вошли в чистую, светлую комнату, сразу уловили аромат цветов. Три подоконника в ее доме были заставлены горшками и горшочками с цветами.

Были тут и глиняные цветочные горшки, были треснутые кухонные и две железные банки из-под кондитерского жира и даже прохудившийся сбоку солдатский котелок. Заглядевшись на эту красоту, танкисты даже немного растерялись, не зная, как начать разговор. Помогла сама женщина, перехватившая взгляды военных.

– Уж не за цветами ли вы пришли, товарищи дорогие?

– Угадали, Антонина Васильевна, – улыбнулся Соколов. – Слава о ваших комнатных цветах по всему селу ходит. Вот и до нас дошла. Понимаете, у нас в

экипаже танка есть парень. Ему 19 лет только стукнуло. У него девушка лежит в медсанбате с ранением. Мы уходим, а она остается. Может, они и не увидятся больше никогда, а может, пронесут через всю жизнь любовь. Что он может ей оставить сейчас, когда прощаться будет? Хотите, мы вам заплатим?

Соколов разошелся и от волнения стал говорить много и сбивчиво. Эта молчаливая серьезная женщина вызывала у него странные чувства. Как будто он оказался в детстве перед своей бабушкой, которая его может отругать за баловство. И голос женщины прозвучал с той же самой интонацией, к которой он привык сызмальства.

– Уберите деньги. Как вам не стыдно, товарищи военные! Как вам в голову могло прийти платить за цветы?

– Простите! – вмешался Бабенко, прижав к груди руки. – Просто мы не знали, как вам сказать, а нам очень нужно помочь нашему парню. Мы не хотели вас обижать.

Женщина не произнесла больше ни слова, только махнула рукой. Танкисты смотрели, как она стянула косынку и приложила уголок к глазам. Высокая прямая фигура вдруг сгорбилась, женщина как-то сразу постарела, села у окна и опустила голову. Она провела рукой по баночкам и горшочкам с цветами, как будто поговорила с ними. Соколов и Бабенко переглянулись: ни тот, ни другой не знали, как быть. Уходить или все же можно договориться с хозяйкой?

– Это ведь не просто цветы, – вытирая глаза, сказала женщина. – Это частичка моих детей. Давно их нет, лет двадцать уже. Настенька очень любила цветы, всегда ухаживала за ними, пересаживала, поливала. А Паша искал ей горшки, выпрашивал битые, склеивал. А потом они… погибли. А цветы остались. Как память. А вы деньги за них…

– Простите, мы не знали, – извинился Соколов и попятился к выходу, потянув за рукав комбинезона Бабенко.

– Погодите, – вздохнула женщина. – Зачем мне на них глядеть, если они могут чужую жизнь украсить. Девушка у него, говорите? В госпитале? Фиалки вам не нужны. И герань тоже. Возьмите вон тот горшочек с яркими красными цветами. Они самые красивые у меня. Этот цветок называется азалия. Пусть и у ваших

молодых тоже будет все красиво. Любовь, семья, дети. Когда-нибудь война кончится. И тогда очень понадобятся нам и цветы, и дети.

Соколов прошел в дальний угол казармы и под взглядом улыбающегося Бабенко осторожно извлек из-за пазухи цветочный горшок. Логунову и Омаеву показалось, что в их темном закутке взошло яркое весеннее солнце. Так полыхнули красками красные цветы. А Коля Бочкин, стоявший возле стола, медленно опустился на табурет с открытым ртом. Алексей поставил цветок на стол, и танкисты почти минуту в полном молчании благоговейно смотрели на подарок.

– Разве такие бывают? – тихо произнес Николай. – Я даже трогать их боюсь. Спасибо, товарищ младший лейтенант, Семен Михайлович… вы…

– Коля, время идет! – улыбнулся Соколов и постучал пальцем по стеклу наручных часов. – Ты сейчас берешь цветок и дуешь в медсанбат к Лизе. Мы подъедем через тридцать минут. Ты быстро выбегаешь и – в машину. Понял? И ни секунды задержки!

– Да, – Бочкин вскочил, как будто опомнился.

Он стал озираться по сторонам. Но так ничего и не придумав, взял осторожно двумя руками горшок с цветком и пошел к выходу, расстегивая на ходу куртку. Танкисты с улыбкой проводили взглядами своего заряжающего. Соколов покачал головой и хмуро велел всем готовиться к выходу. Времени на сборы уже не оставалось.

А Коля Бочкин, озираясь по сторонам, спешил к медсанбату. Он очень не хотел встретить кого-то из офицеров, кто бы мог его остановить и строго спросить за внешний вид, за цветок за пазухой и вообще за его хождение по улицам села в районе штаба полка.

До места ему удалось добраться без приключений. И даже Борис Моисеевич, увидевший молодого танкиста, да еще с цветочным горшком в руках, только махнул рукой, мол, пусть идет. Коля быстро сбросил куртку, накинул на плечи поданный ему медсестрой белый халат и поспешил к палате, где лежала Лиза. Цветок он нес на вытянутых руках, как величайшую ценность.

– Ты? – удивилась девушка. – Тебя не было весь день, я уже решила, что…

Николай видел в глазах Лизы плохо скрываемую радость. А может быть, ему хотелось ее видеть. Он не дослушал, что хотела сказать девушка, поставил на тумбочку в изголовье свой подарок и опустился на табурет.

– Лиза, – заговорил Николай, то стискивая от волнения руки, то разжимая их. – Я хочу чтобы ты знала. Нет, я хочу, чтобы ты была уверена, что я вернусь, обязательно вернусь. С победой. Мы обязательно победим, мы выгоним врага с нашей земли, и война кончится. И тогда я вернусь. Ты будешь петь в большом красивом зале и увидишь меня, я войду тихо и сяду. На самом первом ряду сяду, чтобы слушать твой голос и видеть тебя. Ты только жди. Ладно?

Последние слова он произнес уже гораздо тише и почти просящим тоном. И тут же сердце Бочкина сжалось. Он увидел в глазах Лизы слезы. Она смотрела то на красивый цветок, который он принес, то на него самого.

– Ты уходишь? – прошептала девушка.

– Война, – коротко ответил он.

– Когда ты вернешься, Коля?

– Не знаю. – Бочкин обреченно покачал головой, только теперь осознав, что они могут больше никогда не увидеться. Никогда!

– Меня через неделю выпишут, и я уеду в Куйбышев. Туда переводят учебные классы нашей консерватории. – Девушка кусала губы, чтобы снова не расплакаться. Потом она, сидя на кровати с забинтованной ногой, дотянулась до Николая и взяла пальчиками его руку.

– Я тебе оставлю мой адрес, хочешь? Мой ленинградский адрес. Ты напиши мне, письмо мне перешлют в Куйбышев. И я буду знать, что ты живой. Я буду писать тебе на фронт письма. У тебя ведь нет девушки, которая писала бы тебе?..

– Есть, – с улыбкой ответил Бочкин и, увидев испуг в глазах Лизы, поспешно добавил: – Раньше не было, а теперь есть. Это ты! Я буду ждать твои письма. И

тебе писать буду.

Лиза встала с кровати, оперлась на руку поспешно вскочившего на ноги Бочкина, а потом обхватила его за шею своими тонкими руками, прижалась к его щеке мокрой щекой и прошептала:

– Я буду твоей девушкой, ты только не оставляй меня, пиши мне в ответ. С фронта…

Соколов отдал приказать заводить. Бабенко привычным движением включил «массу», в несколько нажатий на кнопку поднял давление до отметки «50», завыл стартер, и двигатель танка утробно заворчал.

Бочкин обещал ждать их возле медсанбата. Хотя, если он засиделся у Лизы, мог и потерять счет времени. Алексей прижал к горлу ларингофоны.

– Омаев, приготовься. Сейчас подъедем, тебе придется сбегать, поторопить Николая.

– Есть, командир, – отозвался голос радиста-пулеметчика. – Если что, я его волоком притащу.

В танке хохотнули, это сразу отразилось в наушниках шлемофона. Настроение у экипажа хорошее. Это здорово. Приятно, когда с таким настроением идешь в бой. Не то, чтобы счастье, но единый порыв, люди готовы идти с тобой и делать общее воинское дело.

Лязгая гусеницами, «семерка» прошла по улице, свернула направо к медсанбату. Сбор механизированной группы был назначен к 17 часам в старой дубовой роще за деревней. Где-то недалеко слышны были еще звуки моторов. Подразделения подтягивались к месту формирования походной колонны.

Впереди показалось кирпичное здание начальной школы, в котором располагался медсанбат.

– Семен Михайлович, – сказал в ТПУ Соколов и усмехнулся тому, что сам стал привыкать обращаться к своему экипажу не по званиям и фамилиям, как это положено по уставу, а просто по именам. – К медсанбату не подъезжайте. Остановитесь справа у домов. Руслан, готов?

– Так точно, – раздался бодрый голос Омаева.

Радист отключил кабель от своего шлемофона и выбрался в башню танка. Соколов подвинулся в люке, выпуская парня наружу.

– По сторонам внимательно, не нарвись на начальство, – инструктировал Алексей подчиненного. – Забегаешь, и сразу спрашивай, где Бочкин и в какой палате лежит певица Лиза с ранением ноги. И за руку его, Руслан, за шиворот тащи сюда. Пусть в темпе прощаются. У нас нет времени совсем.

– Есть за шиворот, – улыбнулся Омаев и ловко выпрыгнул из люка на броню.

Соколов с одобрением смотрел, как молодой чеченец, внимательно поглядывая по сторонам, идет вдоль деревьев. Вот он свернул к забору крайних домов. Остановился у перекрестка, а потом рысью побежал к кирпичному зданию.

Ну, теперь порядок, подумал младший лейтенант. Он спустился в люк и попросил Бабенко на всякий случай придумать причину, по которой они могли бы остановиться здесь.

Прошло четыре минуты, а Омаева и Бочкина не было. Алексей хмуро посмотрел на часы, снова выбрался в башню и уселся в люке. Логунов сидел возле своей пушки и нервно барабанил пальцами. Если что-то случится, то виноватым он посчитает себя. Все же он – командир этого экипажа во взводе, с него и спрос. А он еще сам взводного уговорил отпустить Кольку на свидание.

А Омаев просто не сразу нашел Бочкина. Он забежал в здание, спросил про танкиста, которому разрешили навестить Лизу. Дежурная сестра указала на лестницу второго этажа, но встретившийся Борис Моисеевич удивленно покачал головой.

– Ушел уже твой дружок, минут пять как ушел.

Удивленный и даже озадаченный Омаев медленно спустился на первый этаж. Что за чудеса? Выйдя на улицу, остановился, и тут до него вдруг донеслись голоса. Мужские, возбужденные. Потом что-то сильно ударилось в дощатый деревянный забор, который тянулся справа от фасада здания, отгораживая школьный двор и небольшой садик. Бросившись в проем, где когда-то находилась калитка, чеченец влетел во двор и тут же увидел Бочкина и двух незнакомых солдат в чистых шинелях. Николая прижали к стене, он пытался отбиваться и даже съездил одному из нападавших по физиономии.

– Эй, парни! – закричал Омаев. – А ну, отпустите его! Вы что?

– Еще один, – щупая разбитую губу и сплевывая на землю, зло сказал один из солдат. – Слышь, ты, мазутный. А ну вали отсюда, пока и тебе не навешали.

Руслан не долго анализировал ситуацию. Солдаты, фронт и вдруг такая вражда, драка. Этого он не мог понять. За эти страшные первые месяцы войны молодой чеченец научился относиться к каждому бойцу и командиру Красной армии как к брату, как к старшему товарищу. И то, что сейчас тут во дворе происходило на его глазах, в голове никак не укладывалось. Но Омаев быстро смирился с этой мыслью. Николай был его другом, почти братом. А эти двое – негодяями, раз подняли руку на такого же бойца Красной армии. Может даже и враги? Нет, это уж слишком.

В голове чеченца все мгновенно встало на свои места, и мир разделился на своих и чужих. Он ринулся спасать Бочкина. Красноармеец с разбитой губой махнул неумело рукой, но танкист пригнулся, поднырнув под его удар. Выпрямляясь, Омаев нанес противнику такой удар сбоку в ухо, что у парня слетела шапка, а сам он покатился по мерзлой земле, усыпанной желтыми смерзшимися листьям.

Второй сразу отпустил Бочкина, заметался у глухой стены, а потом бросился к пролому в заборе, зацепился за какую-то железку, порвал шинель и исчез. Первый, с разбитым лицом, угрожающе ворчал, обещая еще увидеться, но его уже никто не слушал.

– Ты чего? – Омаев, повернул голову Бочкина за подбородок, разглядывая ссадину у левого глаза, которая через несколько часов обязательно превратится в приличный синяк. – Что ты с ним не поделил?

– Это из-за Лизы! – поморщился Бочкин. – Представляешь, поговорить позвали за угол. Мол, не ходи к ней больше, не про тебя она. Скоты! Про них что ли?

– Пошли, командир ждет! В танке приложишь к лицу гаечный ключ. Синяка не будет.

Они побежали со школьного двора, с облегчением думая, что все обошлось. Омаев со смехом стукнул Бочкина по спине кулаком, обозвав рохлей. Надо было или сразу проявить твердость и разбираться с этими типами на месте и никуда не ходить. Или уж, если пошел, навалять им по первое число, а не разговоры разговаривать!

Бочкин не стал вступать в споры. Такое не объяснишь, в характере у каждого – свое. Будь это просто хулиганы на улице, он бы и разговаривать не стал. Мало ли у них в поселке драк было с пацанами. Но тут вопрос стоял о девушке! Его хотели унизить и запретить встречаться с Лизой. Тут не кулаками решается. Чем – Николай ответить бы не смог. Он даже для себя не успел ответить на этот вопрос, потому что, выбежав из калитки, они вынуждены были остановиться.

Прямо на них ехал легковой «Газ-А» со снятым брезентом. Рядом с водителем на переднем сиденье сидел плечистый майор, а сзади еще двое молодых офицеров.

Майор, положил руку на локоть водителю, и газик остановился.

– Ну-ка, бойцы, подойдите ко мне! – приказал он, не выходя из машины.

– Вот ведь, – прошептал Бочкин, всем своим существом ощутив, как предосудительно выглядит его ссадина возле левого глаза.

– Командир, – так же тихо прошептал Омаев.

Танкисты подошли к майору и приложили ладони к шлемофонам, отдавая честь. Майор ждал, когда танкисты представятся. Но тут старший лейтенант с танкистскими эмблемами на петлицах обернулся на звук шагов бегущего человека и язвительно заметил:

– Ну, вот, товарищ майор, о чем я вам и говорил. Бежит их командир. Разгильдяйство, почивание на лаврах былых заслуг, моральное разложение. Командир неизвестно где, а его бойцы по дворам дерутся, отношения выясняют.

Соколов подбежал и с напряженным лицом принялся докладывать, как и положено, своему непосредственному начальнику, командиру сводной танковой роты.

– Товарищ майор, разрешите, обратиться к старшему лейтенанту Кравченко, – выпалил Алексей и, уже ожидая разрешения, повернулся к своему ротному. Но Лацис перебил его:

– Отставить, Соколов! Доложите мне, что здесь происходит.

– Танк следует к месту сбора колонны, товарищ майор, – стал докладывать Алексей. – Двое членов экипажа были отпущены мною по нужде. По уставу во время марша и в боевой обстановке отлучаться от машины запрещено только заряжающему и механику-водителю. Разрешите следовать дальше?

– Это черт знает что! – выпалил Кравченко.

– Следуйте в расположение, я вернусь пешком, – вылезая из машины, приказал водителю Лацис.

Соколов хмуро смотрел, как отъезжает штабная машина. На своих танкистов ему смотреть не хотелось. Вот вляпались в ситуацию! Снимут с операции, отправят назад в батальон. И придется докладывать комбату Рыбакову, что не оправдал, не справился. Еще и наврал, спасая подчиненных от наказания.

Майор посмотрел на молодых танкистов и разрешил Соколову отпустить их, если у него нет для них конкретного приказания. И когда Омаев и Бочкин, с беспокойством оглядываясь на командира, ушли к танку, стоявшему поодаль у ограды парка, майор пригласил младшего лейтенанта пройтись немного.

– У вас, Соколов, я вижу не складываются отношения с вашим новым ротным командиром?

– Я не могу вам ответить на этот вопрос, товарищ майор, – честно признался Алексей. – Мы не служили и не воевали с ним вместе. Я не знаком с его требованиями, хотя в армии все определяется уставом, даже отношения между начальником и подчиненным. Возможно, у старшего лейтенанта Кравченко ко мне есть претензии, но он мне их не высказывал напрямую, как начальник подчиненному, не указывал на недостатки, не ставил сроков для устранения. В этой ситуации, свидетелем которой стали вы, я виноват, но никакого страшного нарушения, как мне показалось, я не совершил. До времени окончания сбора колонны еще полтора часа.

– Хорошо, Соколов, – помолчав, ответил майор. – Я понимаю и хвалю вас за выдержку. Вы хороший командир, но с подчиненными нужно быть строже. Не надо сокращать дистанцию между бойцом и командиром. Надо стремиться к тому, чтобы бойцы вас любили. Сложная задача, но вам об этом не раз говорили в танковой школе. Ведь так? А Кравченко вы строго не судите. Он не такой по характеру, как вам может показаться. Не мелочный человек и не зануда. Сейчас у него сложный период – немцы расстреляли его семью. Он хочет мстить, но без истерики и не рвется умереть и погубить вместе с собой подразделение. Учтите это его качество. За это я его и взял командовать танковым подразделением в нашей группе. А еще Кравченко показал себя умелым тактиком именно танкового боя. Он вывел из окружения почти танковый батальон и трижды организовывал круговую оборону. И очень эффективно оборонялся, а потом прорывал кольцо и снова выводил технику и людей из окружения с минимальными потерями.

– Сложная задача, – согласился Алексей. – Мне все это очень знакомо.

– Знаю, я изучил ваш опыт. А Кравченко просто стремится к абсолютному порядку, хотя это и невозможно в принципе. Но стремиться к этому нужно. На войне беспорядок – это лишняя кровь, а мы ее и так уже пролили с июня целые реки.

Глава 3

Когда стемнело, колонна на малых оборотах вышла из леса. Маршрут, по которому предстояло провести механизированную группу, был сложным. В ночи,

когда нельзя включать фары, колонна шла фактически по часам, с рассчитанной скоростью, от одного видимого ориентира до другого. Расщепленная сосна посреди поля, подковообразная опушка лесного массива и торчащие из земли хвостовые стабилизаторы сбитого немецкого самолета-разведчика «Фокке-Вульф-189», который солдаты успели окрестить «рамой», развилка дорог, сгоревшая ветряная мельница на пригорке.

Соколов сидел в люке башни и подсказывал Бабенко, если тот начинал в темноте съезжать с грунтовой дороги. Обзор у механика-водителя в танке и так не очень хороший, а в темноте и того хуже, если даже держать люк открытым.

Колонна шла около двух часов. Справа, со стороны Смоленской дороги, громыхала канонада, там силами двух корпусов командование армии ударило под основание наступающего немецкого танкового клина, отбросив врага почти на сто километров. Слева где-то постукивали пулеметы, да в небо взвивались редкие осветительные ракеты. Там немцы уперлись в хорошо организованную оборону Красной армии, и их наступление к ночи замерло. В это узкое «бутылочное горло» и проскочила механизированная группа майора Лациса. Завтра немцы активизируются, будут искать пути обхода, возможно, предпримут фланговый удар по наступающим мехкорпусам.

Рассвет застал колонну севернее маленького рабочего поселка Красногорск с одноименной железнодорожной станцией на окраине. Соколов сдвинул шлемофон чуть набок, чтобы слышать возможный вызов в наушнике и в то же время быть в курсе происходящего вокруг. Радиосвязью пользоваться во время рейда было запрещено до особого распоряжения командира. Немцы могли засечь активность в радиоэфире в своем тылу. Ночью все машины использовали только специальные сигналы, подаваемые ручными фонарями.

Артиллерийские выстрелы раздавались справа, со стороны станции. Сначала один, второй, третий, а потом залпы стали слышны чаще, различалась пулеметная дробь. Где-то там, в паре километров от остановившейся на лесной дороге колонны, разгорался бой. По колонне пронеслись голоса, передававшие приказ от машины к машине.

– Старший лейтенант Кравченко, младший лейтенант Соколов, к командиру!

Алексей приказал Бабенко объехать колонну и по краю дороги двигаться вперед. Метров через сто он увидел стоявших на обочине Лациса, Забелина и Кравченко. Командиры доставали из своих планшетов карты.

Соколов спрыгнул с брони и подбежал к офицерам.

– Слышишь? – спросил майор, кивнув в сторону станции. – Непонятно кто, непонятно с кем, а нам по открытому месту около двух километров придется идти в их прямой видимости.

– Да, мы будем как на ладони, – согласился Забелин. – Танки могут лесом пройти, а вот мои грузовики с пехотой лесом не протащишь, мы там все колеса и рессоры оставим.

– Надо искать окружной путь, – вставил Кравченко. – Или переждать бой. Правда, к Лыкову Отрогу мы в этом случае подойдем чуть позднее намеченного времени. Но это же ничего не меняет, товарищ майор. Днем раньше, днем позже. Зато сохраним боеспособность группы и обеспечим неожиданность своего появления.

– Зенитки, – прислушавшись, тихо сказал Соколов.

– Что? – Лацис внимательно посмотрел на молодого лейтенанта.

– Зенитки лупят, – повторил Соколов. – Немецкие. А авиации в воздухе нет. Они по танкам бьют, там танки прорываются через станцию. Слышите? «Тридцатьчетверки» стреляют.

– А это уже КВ! – добавил Кравченко. – Это кто-то из наших из окружения пробивается. Наверняка на станции есть горючее для танков, и они решили атаковать, чтобы пополнить баки. Товарищ майор, что будем делать?

– И себя показывать нам нельзя, – процедил Лацис сквозь зубы, – и нашим товарищам не помочь тоже нельзя.

– Разрешите, товарищ майор, – шагнул вперед Соколов. – Есть предложение.

– Ну, слушаю вас, – кивнул командир.

– Станция небольшая, это просто обычная узловая станция, и там вряд ли стоит большой гарнизон охраны. В Красногорске может стоять какое-то подразделение, но это, скорее всего, тыловое подразделение, возможно, инженерное. Там, судя по карте, переправа, немцы могли навести легкий мост для связи со станцией. Поэтому и зенитки стоят. Для охраны с воздуха станции и переправы.

– Возможно, – согласился майор.

– Судя по звукам, поселок и станцию атакуют не менее трех-четырех танков. Вероятно, есть и пехота. 88-миллиметровые орудия немцев сожгут «тридцатьчетверки» и с КВ могут справиться, если будут бить сзади и в борта. Мы можем помочь, если неожиданным ударом сейчас уничтожим батарею зенитных пушек. Дальше подразделение, которое выходит из окружения, справится само. Мы подскажем направление движения, чтобы они сумели проскочить в «бутылочное горло».

– Дело, Соколов, хорошая идея. Только надо будет потом поставить на юго-западной окраине поселка дымовую завесу, чтобы скрыть проход нашей колонны. Ведь в результате боя вполне возможно сильное задымление. Это не должно вызвать подозрений у тех немцев, кто останется в живых и сумеет отойти после нашей атаки.

– Разрешите мне развернуть роту? – поспешно спросил Кравченко.

– Нет, товарищ старший лейтенант. – Лацис покачал головой. – Тут всей ротой нельзя. Сильный шум. Немцы должны подумать, что это два-три танка из той же группы, что атаковала станцию. Поручите это Соколову. Сколько тебе надо танков, Соколов?

– Прошу в помощь моей «семерке» выделить только один танк, – с готовностью заговорил Алексей. – Второй танк будет отвлекающим. Зенитки могут находиться на окраине поселка и станции. Думаю, что это всего одна батарея из шести орудий. Ни в пределах населенного пункта, ни в пределах охраняемого объекта зенитные батареи не ставят. И обзор у них должен быть по горизонту максимальный. Значит, три орудия вот здесь между поселком и переправой.

Возможно, замаскированные под стога или старые сельскохозяйственные постройки. И три орудия, вполне вероятно, вот здесь, у леса, в точке, где на карте указан тригонометрический пункт.

– Ваши действия?

– Атаковать своим танком батарею на тригопункте. Второй танк, маневрируя и используя естественные укрытия, имитирует атаку на вторую батарею, я выхожу со стороны поселка, занимаю выгодную скрытую позицию и уничтожаю вторую батарею.

– Сможет получиться, вы как полагаете, Кравченко? – спросил майор. – Кого дадите в помощь Соколову?

Вопрос Лациса Алексею понравился. Командиру танковой роты не оставалось ничего другого, как принять участие в обсуждении этой операции. Может, даже старшему лейтенанту понравилась идея Соколова с этой атакой, но он не подал вида, не стал хвалить и вообще никак не высказал своего мнения.

– Возьмете с собой экипаж сержанта Фролова, – сказал Кравченко.

– Есть, – козырнул Соколов. – Разрешите выполнять?

Костя Фролов, командир танка с номером 313, был щуплым и невысоким парнем. Самая удобная комплекция для танкиста. А вот то, что на его щеке виднелась розовая сморщенная кожа недавно зажившего ожога, говорило о том, что сержант повидал и повоевал, и даже горел. Когда Соколов начал ставить задачу, сержант сразу прищурился и стал серьезным, собранным как маленькая пружина. Он кивал головой, не перебивая командира, изредка бросая взгляды на карту, которую держал в руках. Или все понял и на него можно положиться, или ничего не понял и все станет ясно только в бою.

Соколов велел танкисту повторить свой приказ, и Фролов четко и коротко воспроизвел все детали предстоящего боя. Свои действия в случае того или иного развития событий, вплоть до того, если «семерку» вдруг подобьют.

Колонна замерла, бойцы и командиры провожали взглядами две «тридцатьчетверки». Многие по неопытности и незнанию тактики танкового боя смотрели на танкистов как на смертников. Уходят, мол, своим помочь и погибнуть. Прямо на пушки пойдут, сказали. Геройские ребята. Но кое-кто осаживал вздыхателей и говорил, что не так просто наши танки подбить, это вам не молотком скорлупу проломить. «Тридцатьчетверка» в умелых руках – машина грозная, сильная и страшная для врага.

Соколов смотрел из открытого люка вперед и налево, куда уходил 313-й. На связь выходить нельзя, придется действовать по заранее оговоренному плану, пока еще можно что-то согласовать на пределе прямой видимости.

«Семерка» замерла, не доезжая опушки, на прогалине, где ее видно Фролову. Вот его танк спустился в низинку и стал не виден ни со стороны поселка, ни со стороны позиции зенитчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Реальные события 20 августа 1941 года, относящиеся к Кингисеппско-Лужской оборонительной операции.

Купить: https://tellnovel.com/sergey-zverev/broneboynyy-ekipazh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити